

Воспоминанія о Петръ Семеновичъ Ванновскомъ.

На старости лѣтъ, живя въ покоѣ, въ глуши, невольно перебираешь въ памяти все пережитое и испытанное, въ особенности, если приходится читать что-либо о личностяхъ, съ которыми я самъ когда-то непосредственно соприкасался.

Такъ, прочитавъ нѣсколько воспоминаній о П. С. Ванновскомъ, мнѣ, никогда не писавшему для печати, показалось, что и я могу принести свою лепту къ характеристикѣ этого, извѣстнаго военному міру, да и не одному только военному міру,—человѣка.

Въ первый разъ въ жизни я увидалъ грознаго военнаго министра въ Варшавѣ, гдѣ онъ знакомился съ военными учрежденіями и, между прочимъ, неожиданно посѣтилъ Варшавскій артиллерійскій арсеналь; за отсутствіемъ начальника, — мнѣ, какъ помощнику, приходилось давать объясненія.

Военный министръ сразу высказалъ явное недовѣріе, онъ во всемъ сомнѣвался, — какъ хозяинъ, убѣжденный, что все кругомъ его обманываютъ.

Вопросы его были кратки, замѣчанія суровы, но я, будучи не изъ боязливыхъ, да мнѣ, впрочемъ, и нечего было опасаться, — давалъ прямые и немногословные отвѣты.

Приведу кое-что изъ этой, достаточно оригинальной и для меня необычайной бесѣды.

Войдя въ одну изъ мастерскихъ, министръ сказалъ:—Темно! Было 7 часовъ вечера, работъ уже не было.

— Темно, ваше высокопревосходительство, отвѣтилъ я, имѣя въ виду темное помѣщеніе.

— Темно!—повторилъ П. С. Ванновскій... Я догадался, и спросилъ у него разрѣшенія зажечь газъ.

Въ томъ же зданіи, въ верхнемъ этажѣ, находились казармы нижнихъ чиновъ арсенала. Не ожидая прибытія министра, нижніе чины расположились, по обычаю, группами около кроватей,—съ чайниками и булками.

Войдя въ казарму, министръ поздоровался и, увидя это милое чаепитіе, обратился ко мнѣ съ вопросомъ:

— Это для показа?

Я нашелъ нужнымъ его успокоить и объяснилъ, что солдаты, мастеровые арсенала, получаютъ сверхъ обыкновеннаго содержанія,—еще и денежное вознагражденіе, которое даетъ имъ возможность держать свой чай.

На стѣнахъ этой же казармы, по почину начальника арсенала, висѣли дощечки съ евангельскими текстами и иными, высоконравственными наставленіями.

— Кто это завелъ?

И тутъ же, не дожидаясь отвѣта, замѣтилъ:—Вѣрно, ничего не исполняется!

Затѣмъ П. С. Ванновскій по прежнему лаконически проговорилъ:

— Мало воздуха!

Я указалъ ему на кубическое содержаніе помещенія, выписанное, по положенію, на одной изъ висѣщихъ на стѣнѣ таблицъ.

— Кто измѣрялъ? спросилъ министръ.

— Комиссія, при участіи инженера и врача, ваше высокопревосходительство,—отвѣтилъ я.

Министръ проговорилъ:

— Инженеръ, докторъ... Махнулъ рукой и вышелъ изъ казармы.

Собравшееся тѣмъ временемъ начальство, артиллерійское и инженерное,—весьма робко держалось въ сторонѣ, предоставивъ меня всецѣло на „сѣдненіе“ министра.

Но пока,—все шло благополучно, и настроеніе мое было не только не смущенное, а даже веселое.

Мы подошли къ одному изъ злополучныхъ зданій арсенала, въ которомъ были настолько большія трещины, что намъ было запрещено въ немъ работать.

Я услышалъ за собою осторожный голосъ всегда смѣлаго, насмѣшника и остряка—строителя:

— Доложите о трещинахъ въ кузницѣ...

Повторяю,—настроение мое было настолько хорошее, что я вздумалъ подшутить надъ строителемъ, обратился къ министру и сказалъ, что такой-то хочетъ доложить о трещинахъ въ строеніи, а самъ ступалъ совершенно, такъ какъ прибылъ начальникъ арсенала.

Когда осмотръ окончился, министръ, въ числѣ своихъ замѣчаній, выразилъ удивленіе, что казенное учрежденіе мѣстится въ такихъ развалинахъ, затѣмъ, поблагодаривъ начальниковъ отдѣловъ, сталъ оглядываться и искать кого-то, и, увидавъ меня,—подалъ руку и поблагодарилъ.

Результатомъ этого посѣщенія было неожиданное (и удивившее многихъ) приобрѣтеніе въ казну огромнаго стале-литейнаго завода Лильпопъ, Рау и Левенштейнъ на окраинѣ Варшавы.

Этотъ заводъ былъ перестроенъ для цѣлей артиллерійскаго техническаго заведенія; прежній же арсеналь, расположенный въ центральной части Варшавы,—былъ проданъ. Эта комбинація обѣщала для казны большія выгоды, но въ результатѣ ихъ не оправдала, и приобрѣтенный заводъ оказался мало подходящимъ для арсенала.

При слѣдующемъ прїездѣ въ Варшаву П. С. Ванновскій обходилъ новый арсеналь. Вѣроятно, онъ хорошо помнилъ большія ассигнованія, и вполне оцѣнилъ то, что получилось на дѣлѣ изъ пресловутой „выгодной комбинаціи“ приобрѣтенія и перестройки этого завода.

Онъ очень добродушно обратился къ начальнику арсенала и сказалъ:

— Купите мой литографированный портретъ, стоящій въ Петербургѣ 15 коп., и повѣсьте его въ арсеналь... въ знакъ того, что министръ допустилъ глупость!

Я уже не служилъ тогда въ арсеналь, но записалъ этотъ эпизодъ и передаю со словъ присутствовавшаго.

Въ 1892 году совершенно неожиданно мнѣ было предложено занять должность управляющаго хирургическимъ инструментальнымъ заводомъ военно-медицинскаго вѣдомства.

Не имѣя никакого понятія объ этомъ учрежденіи, и такъ какъ въ Варшавѣ никто мнѣ не могъ дать какого-либо указанія,—я поѣхалъ въ Петербургъ, гдѣ въ главномъ артиллерійскомъ управленіи, въ числѣ другихъ свѣдѣній, мнѣ сказали, что заводъ этотъ, по отчету Государственнаго Контроля,—признанъ убыточнымъ для казны... Кромѣ этого, воен. медицин. вѣдомство не было удовлетворено необходимымъ количествомъ хи-

рургическихъ инструментовъ, качество которыхъ также не одобрялось господами медиками.

Мало того, въ теченіе долгаго времени на заводѣ обнаруживались безпорядки и неурядица, а потому заводъ подлежитъ закрытію.

Но не такъ судилъ П. С. Ванновскій и рѣшилъ иначе: исходя изъ того соображенія, что артиллерійскія техническія заведенія, управляемыя артиллерійскими офицерами-техниками, существуютъ не въ убытокъ, а на пользу казны, П. С. Ванновскій приказалъ указать ему на арсенальнаго штабъ-офицера, для назначенія управляющимъ заводомъ, вмѣсто полагавшагося по штату военнаго врача, и если эта мѣра окажется удачною — не упразднять заводъ.

Принимая это предложеніе, я поставилъ условіемъ, чтобы мнѣ было присвоено полное содержаніе, получаемое предшественникомъ моимъ, докторомъ, а также право возвращенія на службу въ артилерію, когда я этого пожелаю.

Когда объ этомъ доложили министру, онъ сказалъ:

— Много ему давать не слѣдуетъ, такъ какъ скоро вѣроятно сбѣжитъ оттуда, и тогда ему придется сохранить большое содержаніе.

Назначеніе мое состоялось, и вторично я предсталъ подъ грозныя очи военнаго министра, на общемъ приѣмѣ въ зданіи министерства.

Дойдя до меня, онъ сказалъ, что потомъ со мной поговорить, и по окончаніи приѣма, — пригласилъ меня съ собою, въ свой кабинетъ. Начало его бесѣды со мной было въ высшей степени оригинально:

— Жаль мнѣ васъ, полковникъ! Назначилъ я васъ въ болото и не знаю, какъ вы изъ него выльвѣте...

Затѣмъ, министръ обрисовалъ въ ужасныхъ краскахъ положеніе завода, доведеннаго до этого неумѣлыми дѣйствіями управляющихъ и чинами завода. Между прочимъ онъ указалъ, чтобы мною были заведены арсенальные порядки, и первымъ дѣломъ, — устраненъ весь настоящій личный составъ.

Мнѣ оставалось только заявить министру, что приложу всѣ старанія, чтобы исполнить возложенную на меня задачу, и просить его разрѣшить мнѣ пока — не увольнять весь личный составъ, такъ какъ я, будучи свѣдущимъ и имѣя опытъ въ артиллерійской техникѣ, — совершенно незнакомъ со специаль-

нымъ дѣломъ изготовленія хирургическихъ инструментовъ, и могъ бы въ первое время воспользоваться знаніемъ наличныхъ чиновъ.

На это министръ сказалъ:

— Хорошо, дѣлайте какъ хотите... но чтобы они отсидѣли аресты, которые я имъ назначилъ.

Началось для меня страдное время, но, несмотря на это, меня захватывало высоко интересное, новое для меня дѣло и немало удивляла своеобразная мнѣ совершенно чуждая среда, въ которой мнѣ пришлось дѣйствовать.

Во главѣ вѣдомства стоялъ тогда немалого ума, ловкій, властный человекъ. Это былъ главный военно-медицинскій инспекторъ Адольфъ Александровичъ Реммертъ, страстный до увлеченія любитель организовать и строить, пріятель П. С. Ванновскаго.

Я прохожу мимо всего любопытнаго изъ этой пятилѣтней моей службы, не имѣющаго непосредственной связи съ личностью П. С. Ванновскаго.

Недѣли черезъ три послѣ моего вступленія въ новую должность, я находился въ мастерскихъ завода, раздумывая, за что мнѣ взяться, теряясь, съ чего начать, ибо все требовало кореннаго измѣненія.

Вотъ, находясь въ состояніи такой нерѣшительности,—вижу,—бѣжитъ ко мнѣ вахтеръ завода.

Кстати сказать, я долго не могъ себѣ уяснить, что это за должность, а вахтеръ высокій, сѣдой красавецъ-старикъ съ солдатской выправкой—меня интересовалъ.

Такъ вотъ,—подбѣгаетъ ко мнѣ этотъ самый вахтеръ и взволнованно докладываетъ:

— Петръ Семеновичъ изволили пріѣхать!...

Именно: не военный министръ, а прямо Петръ Семеновичъ.

Входитъ министръ и прежде всего обратился къ вахтеру:

— Здравствуй, старина!

И поцѣлуй въ губы. Затѣмъ уже, обратившись ко мнѣ, сказалъ:

— Здравствуйте... Поберегите мнѣ этого старика. Это бывший фельдфебель той роты, которой я командовалъ въ лейбъ-гвардіи Финляндскомъ полку.

Мы стали обходить заводъ. Министръ замѣтилъ, что не былъ здѣсь еще ни разу, и что онъ пораженъ убогимъ, грязнымъ видомъ и страннымъ устройствомъ этого казеннаго учрежденія. На работѣ было человекъ двадцать мастеровыхъ, остальные (тоже около 20) по случаю поведѣльника отсутствовали.

Пріѣхалъ и главный военно-медицинскій инспекторъ. Обходъ продолжался при полномъ молчаніи, но въ жиломъ помѣщеніи мастеровыхъ и учениковъ, — министръ не выдержалъ и сказалъ:

— Да здѣсь дномъ клопами пахнетъ!

Выходимъ на дворъ: П. С. Ванновскій, прощаясь съ инспекторомъ, неожиданно замѣчаетъ:

— Schmutzig, schlecht, Адольфъ Александровичъ! (т.-е. грязно, скверно).

Затѣмъ, обратившись ко мнѣ:

— Ну, полковникъ, приводите въ порядокъ, желаю вамъ успѣха!

Министръ распрощался и уѣхалъ.

Посѣщеніе это имѣло самыя лучшія послѣдствія: на другой день явилось на заводъ инженерное начальство, окружное и главное, интересуясь тѣмъ, что говорилъ министръ, на что обратилъ вниманіе и т. п.

Между прочимъ, мнѣ дали понять, что могутъ быть приняты всѣ мѣры къ установленію благоустройства въ помѣщеніяхъ, если я только сдѣлаю заявленіе.

Первое мое требованіе въ этомъ направленіи, заключавшее только самое необходимое, — было признано необычайно скромнымъ, но я уклонился отъ болѣе широкихъ, хотя тоже весьма необходимыхъ перестроекъ и ремонта зданій, принимая во вниманіе, что столь большіе расходы явились бы слишкомъ обременительными, при ничтожномъ пока производствѣ завода.

Все постепенно шло къ лучшему, число мастеровыхъ увеличилось до 150, ручной трудъ въ выдѣлкѣ инструментовъ успѣшно замѣнялся механическимъ, качество издѣлій значительно улучшалось.

Совершенно неожиданно предсталъ передо мною однажды артиллерійскій полковникъ ¹⁾, въ мундирѣ при орденахъ, и заявилъ, что онъ присланъ военнымъ министромъ, для ознакомленія съ дѣятельностью завода, въ смыслѣ выгодности таковой для казны.

Но этотъ мотивъ былъ только ширмой, за которой скрывался доносъ. Я вскорѣ убѣдился въ этомъ, но молча ожидалъ, что будетъ дальше.

¹⁾ Это былъ недавно умершій профессоръ артилл. академіи генералъ Барановскій.

Мои подозрѣнія оправдались. Когда, послѣ 2-хъ недѣльной работы,—все оказалось въ порядкѣ и заводъ былъ признанъ вполне полезнымъ для казны, полковникъ, съ нѣкоторымъ смущеніемъ, задалъ мнѣ вопросъ:

— Не случилось ли у васъ при приобрѣтеніи механическихъ станковъ неудачи? Не оказывались ли между купленными станками негодные?

Я отвѣтилъ отрицательно, т. к. такого случая при мнѣ не было на заводѣ.

Когда же полковникъ продолжалъ развивать эту тему,—я позвалъ механика и главнаго мастера и повторилъ имъ вопросъ полковника, но и они оба отвѣтили отрицательно.

Немного подумавъ, однако, главный мастеръ припомнилъ, не идетъ ли рѣчь о тѣхъ 3-хъ станкахъ, которые доставилъ на заводъ безъ заказа, а лишь только для опыта,—заводчикъ Струкъ? Станки эти еще не были взяты заводчикомъ обратно, послѣ признанія ихъ непримѣнными на заводѣ.

Тутъ уже я понялъ все: это было дѣло нашего старика, вахтера Орлова, о которомъ упоминалось уже раньше. Вахтеръ имѣлъ, какъ оказалось, свои личные взгляды и усмотрѣнія на мои дѣйствія на заводѣ и докладывалъ о нихъ, по невѣжеству своему, вкривъ и вкось,—своему благодѣтелю, Петру Семеновичу.

Недоразумѣніе тотчасъ же выяснилось, но я просилъ полковника, т. к. дѣйствительная цѣль его миссіи уже перестала быть секретомъ,—передать министру, что при условіяхъ подобнаго недоувѣрія я не нахожу возможности продолжать управлять заводомъ и прошу меня отпустить обратно въ артиллерію. Полковникъ обѣщалъ доложить, но предупредилъ, что съ Петромъ Семеновичемъ не всегда удается говорить прямо.

Конечно, мнѣ было выражено черезъ начальство полное удовольствіе по поводу неоправданнаго доноса, а также благодарность за блестящее состояніе завода, а вскорѣ даже самъ Петръ Семеновичъ нашелъ удобный случай на большомъ, торжественномъ собраніи выразить мнѣ свое расположеніе и благодарность.

Не безъ цѣли я, въ этихъ воспоминаніяхъ, дошелъ, наконецъ, до этой маленькой исторіи съ доносомъ. Въ „Историческомъ Вѣстникѣ“ въ воспоминаніяхъ „О П. С. Ванновскомъ“, уже упоминалось о томъ, что онъ любилъ доносы. Не берусь, однако, окончательно судить объ этомъ, но вотъ къ какому заключенію

я невольно прихожу: не лучше ли было бы, если бы государственные дѣятели стали выше такихъ мелочныхъ дѣйствій, какъ только что рассказанное мною, если бы недостающее имъ творчество и знаніе въ принятыхъ на себя великихъ обязанностяхъ они не замѣщали бы маленькими дѣлами, входящими развѣ въ кругъ дѣйствій хорошихъ, заботливыхъ управителей, и не въ этомъ ли, отчасти, источникъ нашихъ бѣдствій на Дальнемъ Востокѣ, отъ которыхъ до сихъ поръ сердце не перестаетъ болѣзненно сжиматься?

О. Фридландеръ.

